

ТРАКТАТ АРИСТОТЕЛЯ «О ПАМЯТИ И ПРИПОМИНАНИИ»*

Трактат *О памяти и припоминании*, новый перевод которого мы предлагаем вниманию читателя, относится к числу так называемых *Parva naturalia* – малых естественнонаучных произведений Аристотеля. Традиционно объединяемая под этим названием группа сочинений тематически и методически примыкает к трактату *О душе* и, по существу, является продолжением начатых в нем исследований. Если во II и III книгах *О душе* Аристотель выясняет, что есть душа в своем самом общем определении, каковы ее основные части и способности, то в трактатах цикла *Parva naturalia* он описывает отдельные проявления душевной деятельности у разных животных: ощущение, память, вожеление, удовольствие и страдание, сон и бодрствование, юность и старость, дыхание и питание, жизнь и смерть, здоровье и болезни. Продвигаясь таким образом от более общего к более частному, философ следует им же самим сформулированному правилу: во всяком научном исследовании переходить от более явного и понятного для нас к более явному и понятному по природе. А поскольку для нас, – пишет он в *Физике* (I, 1, 184a 25), – в первую очередь ясны и очевидны «слитные», то есть нерасчлененные вещи, а уж затем из них путем их расчленения становятся известными элементы или начала, то естественный путь ведет от вещей, воспринимаемых в общем, к составляющим их частям. О том, что и свои психологические исследования Аристотель строит по этому принципу, свидетельствует первая же строчка цикла (P.N. 436 a1-6):

«Поскольку раньше мы определили, что есть душа сама по себе и каждая из ее способностей в отдельности, то теперь следует рассмотреть, какие из присущих животным и всем обладающим жизнью существам видов деятельности являются общими для них, а какие – особенными. Примем поэтому сказанное в *О душе* в качестве известного и будем говорить обо всем остальном, и в первую очередь – о первом».

Название *Parva naturalia* известно с конца XIII в. Считается, что первым его ввел в употребление известный теолог и комментатор Аристотеля Эгидий Римский (1243/7-1316), а с конца XV в. оно начинает встречаться в рукописях так называемого *Vetus Translatio Latina*. Сейчас это название объединяет под собой восемь произведений: *Об ощущении и ощущаемом*; *О памяти и припоминании*; *О сне и бодрствовании*; *О сновидениях*; *О предсказаниях во сне*; *О долгой и краткой жизни*; *О юности и старости, жизни и смерти, дыхании*; *О дыхании*. В такой последовательности расположил трактаты И. Беккер в издании 1831–1870 г., опираясь на свидетельство большинства манускриптов. Однако, судя по дошедшим до нас латинским комментариям, существовала и другая схема цикла, согласно которой помимо вышеперечисленных сочинений в *Parva naturalia* входили также трактаты *О движении* и *О рождении животных*. В целом, предложенная Беккером схема является на сегодняшний день общепринятой. Исключение составляет лишь заключительный трактат цикла *О дыхании*, который современные исследователи отказываются признавать самостоятельным произведением. Действительно, ни в одном из известных нам манускриптов нет сочинения с таким названием. Раздел, занимающий в издании Беккера страницы с 467 b10 по 480 b30, озаглавлен в рукописях либо: *О юности и старости, жизни и смерти*, либо: *О юности и старости, жизни и смерти и о дыхании*. Беккер произвольно разбивает единый раздел на два самостоятельных трактата, присваивая последнему название *О*

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект: 02-03-00053а.

дыхании, с чем большинство современных исследователей не согласно. По-прежнему спорным остается и вопрос о времени создания цикла. Одни ученые вслед за В. Йегером¹ относят *Parva naturalia* к последнему, афинскому периоду творчества Аристотеля (335/4 – 322 г. до н.э.), мотивируя свою точку зрения тем, что во многих трактатах цикла содержатся ссылки на II книгу *О душе*, являющуюся одним из самых поздних произведений философа.² Другие исследователи (среди них Дэвид Росс) полагают, что большая часть цикла могла быть написана одновременно с большими трактатами по зоологии: такими как *История животных* и *О частях животных*, следовательно, ее нужно относить к т.н. «среднему» периоду деятельности Аристотеля, то есть ко времени его пребывания в Малой Азии и Македонии (347-334 г. до н.э.).³ Наконец, третья группа ученых склонна считать, что все трактаты цикла были созданы в разное время. Так, Ф. Нуйе, подробно рассмотревший вопрос о хронологии малого естественнонаучного цикла в работе *L'Evolution de la Psychologie d'Aristote*, относит *О юности и старости...* и *О дыхании* к среднему, а остальные трактаты – к позднему периоду аристотелевского творчества.⁴

Впрочем, даже если цикл формировался постепенно, есть все основания считать, что задумывался он как единое целое. Об этом свидетельствуют, прежде всего, перекрестные ссылки, устанавливающие связь отдельных произведений друг с другом. Например, в конце трактата *Об ощущении и ощущаемом* сказано, что следующей темой рассмотрения станет память и припоминание.⁵ Трактат *О сне и бодрствовании* упоминается как следующий за *О памяти и припоминании*,⁶ а сам, в свою очередь, предвосхищает трактаты *О сновидениях* и *О предсказаниях во сне*.⁷ В трактате *О долгой и краткой жизни* говорится о намерении рассмотреть в отдельном сочинении причины юности и старости, жизни и смерти. Тем самым в нем оказываются предвосхищены последние трактаты цикла.⁸ Кроме того, обосновывая во введении к *Parva naturalia* необходимость изучения отдельных психологических явлений, Аристотель перечисляет темы всех своих будущих трактатов, что также указывает на объединяющий этот цикл единый замысел (P.N. 436 a6-16).

«Как представляется, важнейшие виды деятельности животных – как общие, так и особенные – являются общими для души и тела. Таковы: ощущение, память, гнев, вожеление и вообще влечение, а также удовольствие и страдание. ... Помимо перечисленных одни виды деятельности сообща присущи всем причастным жизни существам, а другие – только некоторым из них. Важнейшими являются четыре пары: бодрствование и сон, юность и старость, вдох и выдох, жизнь и смерть. Относительно этих видов деятельности нужно рассмотреть, что представляет собой каждый из них, и по каким причинам возникает».

Наконец, нельзя не заметить, что последовательность трактатов внутри цикла имеет вполне определенный смысл. Аристотель начинает свое исследование с ощущения, поскольку с этой способностью так или иначе связаны все высшие

¹ Jaeger W., *Aristoteles. Grundlegung einer Geschichte seiner Entwicklung* (Berlin, 1955), S. 354. Трактат *О рождении животных* одно время считался относящимся к *Parva naturalia*. См. парижское издание цикла 1530 г.

² *Об ощущении и ощущаемом*, 436 b10, 14, 437 a18, 438 b2, 439 a8, 16, 18, 440 b28; *О сне и бодрствовании*, 451 a11, 455 a24; *О юности и старости*, 476 b13, 474 b11.

³ Aristotle. *Parva naturalia*. ed. W.D. Ross. Oxford: Clarendon Press, 1955 (repr. 1970), p. 16-18.

⁴ F. Nuyens, *L'Evolution de la Psychologie d'Aristote*. Louvain, 1948. Подробный анализ двух последних точек зрения см. W.D. Ross, *Ibid*, p. 3-17.

⁵ *Об ощущении и ощущаемом*, 449b 3.

⁶ *О памяти и припоминании*, 453 b8, *О сне и бодрствовании*, 453 b17.

⁷ *О сне и бодрствовании*, 453 b17-24.

⁸ *О долгой и краткой жизни*, 464b 31.

проявления одушевленного организма, в том числе, и память, которая есть «приобретенное свойство (ἐξέλις) или состояние (πάθος) ощущения по прошествии времени».⁹ Естественно поэтому, что следующим предметом рассмотрения становятся именно память и припоминание. В свою очередь, разработанная в трактате о памяти теория образов воображения (*φαντάσματα*) служит отправной точкой для изучения сна и сновидений. Наконец, следом за явлениями, в которых ведущую роль играет душа, Аристотель обращается к тем, которые в большей мере относятся к телу. И здесь изучение причин разной продолжительности жизни у разных видов животных побуждает его обратиться сначала к более общему вопросу о жизни и смерти, о причинах расцвета и увядания жизненных сил, а затем перейти к дыханию как необходимому условию всякой жизни. Продолжением трактата *О дыхании* и логическим завершением всего цикла должно было стать сочинение о здоровье и болезнях. Во всяком случае, сам Аристотель неоднократно обещает рассмотреть этот вопрос.¹⁰ Однако трактата с таким названием не сохранилось, и, поскольку античные комментаторы Аристотеля тоже ничего о нем не сообщают, естественно предположить, что он вообще не был написан, и что, следовательно, цикл *Parva naturalia* так и остался незавершенным.

От античности до нас дошел только один комментарий на *Parva naturalia*, составленный Фемистием.¹¹ Правда, он охватывал собою не весь цикл, а только трактаты, посвященные памяти и припоминанию, сну и бодрствованию, сновидениям и предсказаниям во сне. В Средние века и в эпоху Возрождения малые естественнонаучные произведения Аристотеля вызывали куда больший интерес. Их комментировали: Аверроэс, Альберт Великий, Фома Аквинский, византийские философы Михаил Эфесский (XI-XII вв.) и Феодор Метохит (XIII-XIV вв.). В XV – XVI вв. помимо философов и теологов *Parva naturalia* переводили и толковали многие врачи и естествоиспытатели.

Одним из самых популярных и наиболее часто комментируемых сочинений цикла был трактат *О памяти и припоминании*. В нем легко выделяются две части. В первой выясняется, что есть память, каковы ее причины и какой части души она принадлежит. Во второй – те же самые вопросы задаются относительно припоминания (анамнезиса).

Первая часть. Свое исследование Аристотель начинает с попытки определить предмет памяти, ибо, по его словам, «люди часто заблуждаются относительно этого» (449b10). Последнее замечание относится, скорее всего, к Платону, который был убежден в способности души помнить вечные идеи, созерцавшие ей еще до рождения в теле. Аристотель и сам некогда разделял подобную точку зрения. Будучи членом платоновской Академии, он даже написал диалог, озаглавленный *Евдем или о душе*, в котором вслед за учителем рассматривал анамнезис как одно из доказательств нашего бессмертия. Впоследствии, создав собственную психологическую теорию, он отказался от многих своих юношеских убеждений, в том числе, и от убеждения в предсуществовании души. Наглядное свидетельство тому – учение о памяти и припоминания, которое мы обнаруживаем в цикле *Parva naturalia*. Уже в самом начале цикла Аристотель заявляет, что память не принадлежит исключительно душе, но подобно ощущению, гневу, вожделению и

⁹ *О памяти и припоминании*, 449b 25.

¹⁰ *Об ощущении и ощущаемом*, 436a 17; *О дыхании*, 480b 23.

¹¹ Во всяком случае, так атрибутирует этот комментарий его издатель П. Вендланд (см. *Themistii in parva naturalia commentarium*, ed. P. Wendland, CAG 5.6. Berlin: Reimer, 1903), хотя в рукописях автором назван некий Софоний – возможно, византийский философ XIII-XIV в.

т.п. является совместным действием души и тела.¹² Поэтому даже если бы разумная часть души и была способна существовать вне тела, она, очевидно, не могла бы сохранить никаких воспоминания об этом состоянии. Правда тогда встает другой вопрос: возможна ли вообще память об умопостигаемом? Способно ли состоящее из души и тела существо помнить об отвлеченных вещах и некогда усвоенных знаниях? Или же предметом памяти могут быть только данные чувственного восприятия? В рамках психологической теории Аристотеля эти вопросы не являются праздными. Поэтому трактат *О памяти и припоминании* начинается именно с их рассмотрения.

Предметом памяти, по словам Аристотеля, не может быть ни настоящее, ни будущее, но только прошлое (449b 11). Простая констатация этого очевидного для всех факта сразу же сообщает нам о памяти довольно многое. Во-первых, - что всякая память связана со временем, следовательно, обладать ею могут только те живые существа, у которых есть ощущение времени. Во-вторых, - что память не тождественна ни ощущению, ни мышлению, поскольку и то, и другое направлены на настоящее. В самом деле, никто не сказал бы, что помнит нечто белое в тот самый момент, когда его видит, или что он помнит какой-то умозримый предмет, когда его созерцает или мыслит (449b 15). Память касается только прошлых актов мышления и ощущения. Этот вывод позволяет Аристотелю сформулировать первое, чисто феноменологическое определение памяти: она есть «приобретенное свойство или состояние ощущения или постижения, появляющееся по прошествии времени» (449b 25).

Согласно трактату *О душе*, когда ощущение становится прошлым и воздействие на органы чувств прекращается, в одушевленном теле остается образ ощущаемого предмета, так называемая *φάντασμα* – представление.¹³ В своем первоначальном виде «представление» есть форма ощущаемого предмета, лишенная присущей ей материи и поэтому способная «остаться» в воспринявшем ее органе чувств, то есть оформить его вместо своего первоначального подлежащего. Примером такого рода первоначальных «представлений» могут служить многократно уменьшенные изображения видимых предметов на сетчатке глаза или колебания барабанной перепонки в ушной раковине. Однако ни цвет, ни звук, ни другие чувственно воспринимаемые формы, взятые по отдельности, не способны создать представление о предмете в целом. Последнее возникает, когда данные частных ощущений сходятся в органе общего чувства,¹⁴ состояние которого в этом случае называется воображением (*φαντασία*),¹⁵ а присутствующий и как бы запечатленный в нем целостный образ предмета – окончательно сформировавшимся «представлением» или «фантасмой» в собственном смысле слова. В отличие от быстропроходящих ощущений, «фантасмы»-представления способны сохраняться в органе общего чувства надолго. Они-то и обеспечивают живому существу способность помнить. Аристотель говорит, что представления задерживаются в органе общего чувства наподобие отпечатков перстней в воске (450b 1).

Из сказанного следует, что память возможна только о вещах чувственно воспринимаемых, поскольку и воображение, и его продукты возникают под

¹² *Об ощущениях и ощущаемом*, 436a 7-11.

¹³ *О душе* III, 2, 425b: «Органы чувств принимают ощущаемый предмет без материи. Поэтому когда ощущаемые предметы удалены, в органах чувств остаются ощущения и представления». Когда я вижу перед собой какой-то предмет, например, дом, то его видимая форма попадает на сетчатку моего глаза без составляющих здание камней и балок, то есть лишенная своей первоначальной материи. Вместо нее форма дома получает другое подлежащее – мой глаз.

¹⁴ Подробнее об общем чувстве см. *О душе* III, 1, 425a и *Об ощущениях и ощущаемом*, 449a 8-20.

¹⁵ *О душе*, III, 3, 427b – 428b. Воображение можно определить как общее чувство, оформленное данными частных ощущений.

действием ощущений и являются как бы продолжением движений, исходящих из органов чувств.¹⁶ Тогда-то и встает вопрос о том, можно ли помнить умопостигаемое, или же ни что отвлеченное не способно стать предметом памяти. Оказывается, об умопостигаемых предметах мы помним тоже благодаря воображению, так как, по убеждению Аристотеля, наше мышление есть всегда мышление в представлениях.

О связи мышления и воображения подробно говорится в III книге трактата *О душе*. Ум, о котором там идет речь, способен познавать предметы в той мере, в какой сам становится ими. А поскольку ум может стать всем, то сам по себе он ничем не является. Такой ум пассивен, так как, не обладая собственным содержанием, он может мыслить только нечто внешнее себе. Но отдельно от ума, - полагает Аристотель, - существует только чувственно воспринимаемое. «Поэтому постигаемое умом, - заключает он, - всегда дано в чувственно воспринимаемых формах».¹⁷ Конечно, ум видит не сам чувственно воспринимаемый предмет, а его свободную от исходного материального субстрата форму, которая воспроизводится воображением. Ум имеет дело с представлениями («фантазмами»), которые и являются непосредственными предметами его созерцания. «Когда ум созерцает, - пишет Аристотель, - он по необходимости созерцает некое представление (*φάντασμα*), потому что представления – это как бы предметы ощущения, только без материи. ...Ум рассуждает с помощью находящихся в душе представлений или мыслей, как бы видя их глазами».¹⁸

Сказанное справедливо и относительно т.н. «отвлеченных» предметов – например, чисел или геометрических фигур – которые, по убеждению Аристотеля, первоначально тоже даны нам в ощущениях. Мысля нечто отвлеченное, мы вынуждены помещать его в воображаемое пространство или время, наделять величиной или движением, то есть, обращаясь к ранее приобретенному чувственному опыту, создавать с его помощью соответствующее мыслимому предмету представление – с тем, чтобы созерцая его, наш ум строил бы о нем свои умозаключения. Например, чтобы проверить истинность теоремы о сумме углов треугольника, мы должны наглядно представить себе (=вообразить) какой-то конкретный, находящийся в пространстве треугольник с вполне определенными сторонами и углами, потому что только созерцая конкретный треугольник, наш ум будет в состоянии рассуждать о свойствах треугольников вообще.

Итак, поскольку мышление не может обойтись без воображения и его продуктов, а способность помнить обусловлена воображением, то тем самым доказано, что и умопостигаемое может оказаться предметом памяти. Об отвлеченных предметах мы помним благодаря соответствующим этим предметам наглядным представлениям («фантазмам»), которые сохраняются в душе точно так же, как и опечатки чувственных восприятий. Память об умопостигаемом, поэтому, ничем не отличается

¹⁶ *О душе*, III, 3, 428b 11: ἡ δὲ φαντασία κίνησις τις δοκεῖ εἶναι καὶ οὐκ ἄνευ αἰσθήσεως γίνεσθαι ... ἔστι δὲ γίνεσθαι κίνησιν ὑπὸ τῆς ἐνεργείας τῆς αἰσθήσεως, καὶ ταύτην ὁμοίαν ἀνάγκη εἶναι τῇ αἰσθήσει, «воображение, по-видимому, есть некое движение, и оно не возникает без ощущения. ... Движение воображения должно возникать под действием ощущения и быть подобным ему».

¹⁷ *О душе*, III, 8, 432a 5: ἐπεὶ δὲ οὐδὲ πρᾶγμα οὐθὲν ἔστι παρὰ τὰ μεγέθη, ὡς δοκεῖ, τὰ αἰσθητὰ κεχωρισμένον, ἐν τοῖς εἶδεσι τοῖς αἰσθητοῖς τὰ νοητὰ ἔστι, τὰ τε ἐν ἀφαιρέσει λεγόμενα καὶ ὅσα τῶν αἰσθητῶν ἕξεις καὶ πάθη. «Поскольку, как кажется, нет ни одной вещи, существующей отдельно от чувственно воспринимаемых величин, то умопостигаемое дано в чувственно воспринимаемых формах, в том числе, и так называемое отвлеченное, а также все связанное со свойствами и состояниями чувственно воспринимаемых вещей».

¹⁸ *О душе*, III, 8, 432a 8: ὅταν τε θεωρῆ, ἀνάγκη ἅμα φαντάσμα τι θεωρεῖν· τὰ γὰρ φαντάσματα ὡσπερ αἰσθητά ἐστι, πλὴν ἄνευ ὕλης. 7, 431 b5: τὰ μὲν οὖν εἶδη τὸ νοητικὸν ἐν τοῖς φαντάσμασι νοεῖ, ... ὅτε δὲ τοῖς ἐν τῇ ψυχῇ φαντάσμασιν ἢ νοήμασιν, ὡσπερ ὄρων, λογίζεται.

от памяти о чувственно воспринимаемом и принадлежит не уму, а общему чувству. Этот вывод очень важен, поскольку несколькими столетиями позже Плотин будет обсуждать возможность существования двух видов памяти: одной, которая, как и полагает Аристотель, принадлежит ощущающей, то есть смертной части души, и другой, которая является свойством души разумной и бессмертной и позволяет нам в нашей земной жизни удерживать знание о вечных сущностях.¹⁹ Аристотель же настаивает на том, что мысль как таковая не может быть достоянием памяти. Будучи актуальным созерцанием, она всегда осуществляется в настоящий момент, а значит просто не может уйти в прошлое. Поэтому память сохраняет для нас не саму по себе мысль, а ее наглядное представление-образ, узнавая которое, мы понимаем, что когда-то уже думали об этом предмете.

После выяснения того, что является предметом памяти, каковы ее причины и какой части души она принадлежит, Аристотель переходит к разбору возникающих в этой связи затруднений. Во-первых: чем объяснить различную силу памяти у разных людей? Почему дети и старики, как правило, ни о чем не помнят? Дело в том, что память, как уже говорилось выше, есть совместное действие души и тела. Следовательно, представления или «фантасмы», благодаря которым у живых существ появляется память о когда-то воспринятых ими предметах, обязательно должны иметь под собой некий телесный субстрат. Этим субстратом, согласно Аристотелю, является орган общего чувства или сердце.²⁰ Так вот, представления суть не что иное, как возникающие и запечатлевающиеся в сердце движения. Люди, у которых примыкающая к сердцу область либо слишком подвижна, чтобы удержать возникшее представление (как у детей и стариков), либо слишком тверда, чтобы воспринять какое-либо воздействие, обладают плохой памятью. У людей с противоположным строением память лучше.

Далее: если действие памяти сродни восприятию сохраняющихся в органе общего чувства представлений, не означает ли это, что нам вспоминаются сами представления, а не предметы, которыми они были вызваны? В самом деле, почему, воспринимая некий находящийся в нас отпечаток или рисунок, мы будем вспоминать не самом этом отпечатке, а о каком-то другом предмете, который сейчас отсутствует? Разве можно воспринимать отсутствующее? Указанное затруднение решается следующим образом: поскольку представление-«фантасма» является изображением чего-то другого, то это представление можно рассматривать двояко: или как существующее само по себе, или как относящееся к другому – тому, что на нем изображено. В первом случае мы имеем дело просто с некоторой мыслью или мыслительным образом, который может быть порождением нашего воображения, во втором – с воспоминанием.

Вторую часть трактата Аристотель начинает с неожиданного, на первый взгляд, заявления, что припоминание не есть возвращение (*ἀνάληψις*) памяти (451a 21). Казалось бы, дело обстоит как раз наоборот: припоминая то, что мы некогда помнили, а потом забыли, мы возвращаем себе утраченное знание, а значит, и память о нем. Действительно, многие античные авторы, особенно поздние, определяют припоминание как восстановление (*ἀνάκτησις*) или возобновление (*ἀνανέωσις*) прерванной забыванием памяти. Так считают Олимпиодор,²¹ Дамаский,²²

¹⁹ Плотин, *Энеады* IV, 4, 25-32. О двух видах воображения и памяти у Плотина см. также Blumenthal, H.J., *Plotinus' Psychology*. Hague, 1971, p. 94 – 95.

²⁰ *О частях животных*, 665a 10-13; 678 b1-4; *О юности и старости*, 467 b 14 – 468a1; *О сне и бодрствовании*, 455 b34 – 456 a4; *Об ощущении и ощущаемом*, 439a 2.

²¹ Olympiodorus, *In Platonis Phaedonem commentaria*, ed. L.G. Westerink, *The Greek commentaries on Plato's Phaedo*, vol. 1. Amsterdam: North-Holland, 1976. P. 11, 3, 3: ἀνάμνησις τοίνυν ἐστὶν ἀνανέωσις μνήμης, ὡς τοῦνομα δηλοῖ.

Немезий Эмесский,²³ Иоанн Дамаскин²⁴ и другие. Такой же точки зрения придерживаются и комментаторы *Parva naturalia*. Последние, желая как-то согласовать слова Аристотелем с общепринятыми представлениями, вынуждены прибегать в своих парафразах к многословным пояснениям или даже вносить в текст трактата существенные исправления. Так, Михаил Эфесский предполагает, что утверждение Аристотеля относительно припоминания следует понимать в том смысле, что припоминание не есть возвращение *всей* утраченной памяти, но только какой-то ее части. Если бы мы полностью забыли некий предмет, - рассуждает Михаил, - то возвращение знания о нем было бы равносильно изучению или восприятию этого предмета впервые. Однако такое состояние не может быть признано припоминанием, потому что никакой памяти в этот момент еще нет и нам нечего возвращать себе, а значит, - и припоминать.

«Когда отпечаток или изображение, появившееся в органе общего чувства от ощущения в действительности, сохраняется в нем целиком и остается ясным, четким и чистым, так что может привести душу в движение и стать предметом ее созерцания как одно целое,... то это называется памятью. Если же только часть целого изображения остается ясной и чистой, а все остальное – смутным и нечетким, так что ни само изображение в целом не может привести душу в движение, ни душа не может начать двигаться под его воздействием, но, приведенная в движение отчетливой и ясной частью, раскрывает и как бы находит то, что непосредственно к этой части примыкало (а именно неясное и совершенно помраченное), то это зовется припоминанием. Иными словами: припоминание есть как бы новая запись прежней памяти – не всей, потому что это было бы равносильно обучению, а только части. Действительно, когда, начав с части, мы отыскиваем часть, - это припоминание, когда же мы возвращаем себе предмет полностью, предварительно полностью его утратив, то это – обучение. Потому что между обучением чему-то впервые и обучением тому, что ты прежде знал и забыл, нет никакой разницы».²⁵

Фемистий предлагает другое толкование слов Аристотеля. Выражение *μνήμη ἀνάληψις*, которое мы до сих пор переводили как «возвращение» или «восстановление памяти», он понимает как «извлечение из памяти» содержащегося в ней знания или ощущения. Действительно, у многих греческих писателей, в частности, у Платона можно встретить выражение: *ἀναλαμβάνεσθαι τῇ μνήμῃ*,²⁶ означающее буквально: вызывать, извлекать из памяти какое-то воспоминание. Однако извлечь из памяти можно только то, что в ней прочно сохраняется, и тогда выходит, что припоминающий ничем не отличается от помнящего. Чтобы избежать указанного затруднения, Аристотель, по мнению Фемистия, отказывается называть припоминание *μνήμη ἀνάληψις* - «извлечением из памяти», ибо нельзя вернуть память, если та вообще не была утрачена. Вот почему, согласно его толкованию, припоминание есть возобновление (*ἀνανέωσις*) частично исчезнувшего из памяти знания, а не извлечение (*ἀνάληψις*) того, которое продолжает прочно удерживаться в ней.

«Припоминающим надо считать не того человека, который изучив какой-то предмет, сохранил память о нем, не прерванную забвением, но того, кто сначала обладал всей

²² Damascius, *In Phaedonem* (versio 1), ed. L.G. Westerink, The Greek commentaries on Plato's Phaedo, vol. 2. Amsterdam: North-Holland, 1977. P. 253, 3.

²³ Немезий Эмесский, *О природе человека*, XIII, 25: ἔστι γὰρ ἀνάμνησις μνήμη ἐξιτήλου γενομένης ἀνάκτησις· γίνεται δὲ ἐξιτήλος ὑπὸ τῆς λήθης· λήθη δὲ ἐστὶ μνήμη ἀποβολή.

²⁴ Иоанн Дамаскин, *Точное изложение православной веры*, 34.

²⁵ *Michaelis Ephesii in parva naturalia commentaria*, ed. P. Wendland [Commentaria in Aristotelem Graeca 22.1] Berlin: Reimer, 1903. S. 19, 2 – 16.

²⁶ Plato, *Leges*, 864 b2.

полнотой памяти, а потом чего-то лишился, а что-то сохранил и на основе сохраненного возвратил остальное».²⁷

На наш взгляд, тезис о том, что припоминание не есть возвращение памяти, может иметь гораздо более простой и очевидный смысл. Всем нам знакома ситуация, когда припомнив какой-то предмет, мы потом опять забываем о нем. Это говорит о том, что память (то есть прочное удерживание в воображении какого-то представления) не всегда следует за припоминанием, и что последнее возвращает нам не столько *память* о забытом предмете, сколько сам предмет. Действительно, чуть ниже Аристотель определит припоминание как «возвращение прежнего знания или ощущения» (451b 1). И хотя комментаторы в один голос заявляют, что за припоминанием память следует с необходимостью (ἐξ ἀνάγκης),²⁸ сам Аристотель предпочитает употреблять в этой связи глагол *συμβαίνει* - «случается». «За припоминанием, - пишет он, - случается следовать и памяти» (451b 5). Иными словами: бывает, что припомнив, мы продолжаем прочно удерживать в душе какой-то предмет, а бывает – что теряем его снова. Ведь память, как было сказано выше, есть не само знание или ощущение, возвращающееся к нам в результате припоминания, а определенное *свойство* или *состояние* упомянутого знания или ощущения, приобретаемое по прошествии времени. «Нельзя назвать помнящим того, кто сейчас припоминает» (451b 2), - говорит Аристотель. Действительно, припоминая, мы *в настоящий момент* воспроизводим и созерцаем в воображении представление о некоем предмете, тогда как память появляется лишь *спустя некоторое время* по окончании восприятия, после того, как сформировавшееся в органе общего чувства представление сохранялось в нем в течении некоторого времени. «Помнит не тот, кто сейчас что-то испытывает, а тот, кто что-то видел или испытал раньше». По той же самой причине нельзя считать припоминание и приобретением (*λήψις*) памяти, то есть запоминанием (451a 21).

Выяснив, что припоминание не есть модус памяти, но представляет собой совершенно иную, отличную от нее способность, Аристотель переходит к вопросу о причине его возникновения. «Припоминание, - утверждает он, - появляется оттого, что одно движение естественным образом вызывает другое» (451b 10). Под движениями он подразумевает те самые возникающие в воображении представления-«фантазмы», о которых подробно говорилось выше. По своему субстрату они являются чем-то вроде воздействий, приходящих в орган общего чувства от частных ощущений и запечатлевающих в нем. И хотя сам Аристотель сравнивает их с отпечатками перстней в воске, этот образ не следует понимать слишком буквально. Скорее, речь идет о том, что в органе общего чувства сохраняется возможность осуществления тех движений, которые некогда уже совершались в нем. А поскольку всякая возможность приводится к осуществлению чем-то действительным, то любое движение, вызванное в органе общего чувства восприятием какого-то внешнего предмета, способно естественным образом актуализировать в органе общего чувства одно из содержащихся в нем движений-воспоминаний и таким образом заставить нас припомнить даже то, о чем, казалось бы, мы прочно забыли. Аристотель указывает три случая, когда это может произойти: 1) если движение-агент и движение-воспоминание тождественны; 2) если они одновременны; 3) если одно движение содержится в другом как его часть. В первом случае внешний предмет и вызванное им воспоминание похожи (так, увидев изображенную на рисунке лиру, мы можем вспомнить о настоящей лире). Во втором

²⁷ Themistii (*Sophoniae*) in *parva naturalia* in commentarium, ed. P. Wendland, [Commentaria in Aristotelem Graeca 5.6]. Berlin: Reimer, 1903. S. 7, 9-18.

²⁸ Themistius, *Ibid*, 8, 9: ἔπειτα δὲ τῇ ἀναμνήσει ἐξ ἀνάγκης ἡ μνήμη. Michaelis Ephesii, *Ibid*, 20, 11.

– противоположны (например, когда увидев черное, мы думаем о белом). В третьем – близки (например, когда прочитав первую строчку выученного наизусть стихотворения, мы припоминаем и несколько следующих строк).

Процесс припоминания может быть как произвольным, так и вполне осознанным. В первом случае орган общего чувства начинает совершать одно из прежних движений под воздействием какого-то случайно увиденного или услышанного предмета. Во втором – мы целенаправленно вызываем в своем воображении представления о предметах, так или иначе связанных с искомым воспоминанием, в надежде, что актуализированные ими в органе общего чувства движения приведут нас к тому, о чем мы хотели бы вспомнить. В современной психологии такая мнемотехника носит название ассоциативного круга или ряда. Она позволяет, отталкиваясь от определенного представления как от некоего «начала» (451b 30), последовательно переходить от одного воспоминания к другому и таким образом извлекать из памяти нужную информацию. Однако извлечь из памяти можно лишь то, что в ней содержится. Чем же тогда припоминаящий будет отличаться от помнящего? Возможно тем, что помнящий может по собственному желанию в любой момент вызвать из памяти нужный ему предмет, тогда как припоминание возвращает нам предметы, которые по тем или иным причинам оказались недоступны для нас и как бы затерялись в дальних уголках нашей памяти. В определенном смысле такое состояние можно было бы назвать забвением, но только неполным и частичным. Потому что в случае полного забвения представление о предмете стирается из нашего воображения целиком, что равносильно окончательной утрате органом общего чувства возможности совершать соответствующее движение. В результате, для восстановления потерянного знания нам потребовалось бы уже не припоминание, а повторное обучение (*μάθησις*) или исследование (452a5). Так что, уточняя определение Аристотеля, можно сказать, что припоминание есть возвращение прежнего, то есть частично забытого знания или ощущения.

Интересно остановиться на различии, которое Аристотель проводит между припоминанием и обучением, поскольку именно в этом пункте его теория припоминания существенно расходится с платоновской. Подлинное обучение, согласно Платону, есть не просто передача информации от учителя к ученику, а открытие в себе самом того изначального знания, которым мы обладали еще до рождения. Как показано в *Меноне* (82d-85b), правильно поставленные вопросы способны помочь человеку, не сведущему в геометрии, самостоятельно сформулировать некоторые геометрические соотношения, как если бы он извлек их из самого себя, то есть припомнил, а не усвоил извне. Аристотель, однако, убежден, что обучение с помощью наводящих вопросов нельзя назвать припоминанием в собственном смысле слова. Последнее, - по его словам, - «должно исходить из более сильного внутреннего начала, нежели то, из которого исходят обучающиеся» (451b 9) - то есть из начала, способного привести в движение не только разумную часть души, но и ее ощущающую часть, заставив орган общего чувства воспроизводить содержащиеся в нем представления. «Припоминая, - пишет Аристотель, - человек может сам собой прийти к тому, что за началом. Если же он делает это не сам, а благодаря другому, то он больше не помнит» (452a 5). Кроме того, припоминание, как и память, обязательно должно сопровождаться ощущением времени – убежденностью, что мы слышали, видели или думали об этом предмете *раньше*. Однако в описанной в *Меноне* ситуации с мальчиком-рабом, самостоятельно находящим сторону удвоенного квадрата, это условие, очевидно, не выполняется. Поэтому, с точки зрения Аристотеля, мы имеем здесь дело не с припоминанием, а с обучением или исследованием.

Итак, установив, что причиной припоминания является воспроизведение органом общего чувства одного из своих прежних движений, Аристотель пытается выяснить, происходит ли это по необходимости или вследствие привычки. Если по необходимости, то ясно, что вслед за одним начавшимся в душе движением обязательно начнется и другое. В этом случае вид определенного предмета будет неизменно вызывать у нас одно и то же повторяющееся воспоминание. Поскольку же этого не происходит, то значит ассоциативная связь между воспоминаниями осуществляется не в силу необходимости, а по привычке, и актуализация одного движения не всегда приводит к возникновению другого. Как правило, привычка создается многократным повторением одного и того же – вот почему мы легче всего припоминаем предметы, которые часто обдумываем. Однако она может выработаться и оттого, что некоторые вещи сильно поражают наше воображение. В результате, мы помним их даже лучше тех, которые видели много раз. Но в обоих случаях привычка, по крылатому выражению Аристотеля, «становится нашей второй природой» (452a 28), так что обусловленные ею ассоциативные связи между воспоминаниями уподобляются естественным.

Осталось выяснить, какой части души свойственно припоминание. И хотя Аристотель специально не рассматривает этот вопрос, из его слов можно заключить, что в действии припоминания обязательно должен принимать участие разум. Действительно, в одном месте он сравнивает припоминание с «поиском нужного представления в телесном субстрате памяти» (453a 15). Однако любой поиск есть целенаправленная деятельность, а ставить перед собой определенные цели и добиваться их осуществления может только существо, обладающее волей. «Воля же, - говорит Аристотель, - есть некое умозаключение» (453a 13), и значит неразрывно связана с разумом. Отсюда следует, что «ни одному из известных животных кроме человека припоминание не свойственно» (453a 9).

Последнее, на чем останавливается Аристотель в своем трактате, - это необходимость существования связи между памятью и ощущением времени. «Действие памяти, - пишет он, - осуществляется лишь тогда, когда движение, вызванное в нашей душе предметом, и движение, вызванное временем, осуществляются вместе. Если же человек не совершает [оба эти движения], но при этом думает, что совершает, ему только кажется, что он помнит» (452b 22). Действительно, как было установлено в начале трактата, предметом памяти является прошлое. Поэтому, вспоминая о вещах или событиях, с которыми мы некогда сталкивались, мы осознаем, что это было раньше. «Но раньше и позже – во времени» (450a 22). Следовательно, действие памяти обязательно сопровождается ощущением времени. Если же этого не происходит, и мы, размышляя о тех или иных предметах, не осознаем их как факты своего прошлого, то это либо мысль, либо игра воображения, но никак не память и не припоминание. При этом вовсе не обязательно, чтобы проходящие перед нашим мысленным взором образы были целиком порождены воображением. Они вполне могут быть основаны на воспоминаниях о вещах и событиях, с которыми мы действительно сталкивались и которые реально пережили. Однако если воспоминания об этих предметах всплывают в нашей душе без соответствующего ощущения времени (что чаще всего случается во сне), то по убеждению Аристотеля, такое состояние нельзя назвать памятью. «Когда мы действительно помним, мы не можем не считать себя помнящими. Потому что это [- осознание себя в качестве помнящего] и есть память» (452b 25). А осознавать себя помнящим может только тот, кто воспринимает те или иные события как прошлые.

Ощущение времени, так же как и память, есть некое движение, возникающее в органе общего чувства. Поэтому, когда мы помним или припоминаем, мы совершаем

оба эти движения вместе. При этом движение времени может быть двояким: в одном случае мы знаем его точное количество – например, что сделали то-то и то-то третьего дня, в другом – нет. Неопределенное ощущение времени, которое, по-видимому, свойственно всем обладающим памятью животным, Аристотель не рассматривает. Зато он подробно останавливается на том способе, каким мы различаем большие и меньшие промежутки времени. Скорее всего, - говорит он, - мы делаем это так же, как и при оценке величин и расстояний – путем использования пропорции (*ἀνάλογον* 452 b10). Фигуры и движения, содержащиеся внутри нашего разума, мы сравниваем с теми, которые были порождены в органе общего чувства внешними предметами и, установив между ними пропорциональное соотношение, делаем вывод относительно размеров этих предметов. То же самое происходит и при измерении времени. Свою мысль Аристотель поясняет при помощи схематического рисунка, от которого на данный момент сохранились только буквенные обозначения. Многочисленные комментаторы и переводчики трактата – как древние, так и современные – потратили немало сил, пытаясь воссоздать утраченную схему и придать ее описанию какой-то смысл. Каждый делал это по своему, так что единого мнения относительно соответствующего фрагмента (425b 17-23) до сих пор не существует. Единственный вывод, который можно из него сделать, состоит в том, что помнить о точном количестве времени, прошедшего после того или иного события, могут только существа разумные, ибо один лишь разум способен использовать пропорцию.

Заканчивая трактат, Аристотель перечисляет результаты проведенного исследования и еще раз обращается к физиологической стороне памяти и припоминания, замечая, что существующие между людьми различия в этих способностях могут быть обусловлены темпераментом, строением тела или возрастом (453a 15-30).

Перевод выполнен по изданию: Aristoteles, “De memoria et reminiscencia”, in: *Aristotle. Parva naturalia*. ed. W.D. Ross. Oxford: Clarendon Press, 1955 (repr. 1970).